

Сергей Чувашов

**Путь Сердца.
Алтай. Книга
четвёртая**

Сергей Юрьевич Чувашов

Путь Сердца. Алтай.

Книга четвёртая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73363383

SelfPub; 2026

Аннотация

"Путь Сердца: Алтай" – это история о любви, семье и магии в сердце сибирских гор. Максим и Настя, теперь родители двойняшек Ромы и Ани, отправляются на Алтай, чтобы утолить жажду приключений. Дети, унаследовавшие способности родителей, с восторгом исследуют дикие тропы, но природа и тёмные силы бросают вызов семье. От капризов погоды до встреч с недобрыми людьми и черной магией – каждый шаг полон опасностей.

Настя использует древнюю славянскую магию, чтобы защитить близких, а Максим полагается на силу и решимость. Вместе они учат детей стойкости и любви к неизведанному, укрепляя семейные узы. Алтай раскрывает свои тайны через завораживающие пейзажи и древние духи, но сможет ли семья преодолеть все испытания? Эта книга – о том, как любовь становится щитом против любых невзгод, а приключения сплачивают сердца.

Сергей Чувашов

Путь Сердца. Алтай.

Книга четвёртая

Глава 1: Начало пути

Автомобиль, пыльный от долгой дороги, наконец свернул с асфальта на гравийную дорогу, ведущую в сердце гор. За окном поплыли величавые пики, укутанные в июньскую зелень, а в просветах между склонами сияла бирюзовая лента Катунь.

– Смотрите, смотрите! – восьмилетний Рома прилип лбом к стеклу. – Вон орёл!

Его сестра-двойняшка Аня, не отрываясь от своего окна, лишь тихо ахнула. Глаза у детей, одинаково карие и бездонные, как горные озёра, горели одним и тем же восторгом. Они унаследовали их от матери – Насти, которая сейчас сидела на переднем пассажирском сиденье и с закрытыми глазами вдыхала воздух, пахнувший хвоей, талым снегом и... чем-то древним.

– Чувствуешь? – негромко спросила она, открывая глаза

и поворачиваясь к мужу за рулём.

Максим метнул ей быстрый взгляд, и в уголках его глаз собрались лучики смешинок. Крепкие руки уверенно лежали на руле, а в позе чувствовалась привычная готовность к любым неожиданностям, выработанная годами единоборств.

– Чувствую, что через час мы, наконец, выгрузимся и я потянусь во все стороны, – пошутил он. – А ещё чувствую дикий голод. Рома, Аня, вы там не съели все наши стратегические запасы печенья?

– Мы съели только честно положенные две штучки! – бойко отрапортовал Рома, а Аня виновато кивнула, пряча за спину крошечный кулёчек из фольги.

Настя рассмеялась, и этот звук, тёплый и звонкий, будто слился с шумом горной реки, доносящимся из открытых окон. Три месяца отпуска Максима. Три месяца, которые они решили посвятить не банальному пляжу, а этому путешествию. Алтай манил её давно – не как туриста, а как ведущую. Земля здесь дышала мощной, нетронутой магией, и она слышала её зов сквозь сотни километров.

– Серьёзно, Насть, – Максим сбросил шуточный тон, его голос стал глубже, задумчивее. – Ты уверена, что нам стоит

начинать с долины у Катуня? По отзывам, там сейчас много народа.

– Духи шепчут, что нам нужно быть именно там, у самой воды, для первой стоянки, – ответила Настя, и её взгляд стал немного отстранённым, будто она прислушивалась к чему-то незримому. – Это место силы. Оно даст нам защиту и... подсказку.

– Подсказку к чему? – из заднего ряда донёсся тоненький голосок Ани.

– К нашим приключениям, зайка, – улыбнулась Настя. – К рекам, о которых мы мечтали, и к тайнам, которые эти горы хранят.

– А будут пещеры? – оживился Рома, тут же забыв про орла. – Настоящие, с рисунками и сокровищами?

– Всё будет, – пообещал Максим, ловя в зеркале заднего вида восторженные лица детей. – И пещеры, и тропы, и костры. Но помните наше правило?

– Держаться вместе и слушаться! – хором выпалили двойняшки.

– Именно. Потому что горы – они как красивые, но стро-

гие великаны. Уважай их – и они откроют тебе всю свою красоту.

Машина съехала на просторную поляну, упирающуюся в крутой обрывистый берег Катуня. Солнце, уже клонившееся к вершинам, заливало золотом изумрудную траву, а воздух звенел от птичьих голосов. Дети высыпали из авто и, не сговариваясь, замерли на месте, впитывая величие открывшейся картины.

Настя вышла, потянулась и положила ладонь на теплый капот. Её внутреннее зрение, то самое, что передалось по наследству от бабки-знахарки, на мгновение помутилось. Сквозь радость и предвкушение, сквозь яркий свет дня проползла холодная, тонкая тень. Не страх, а скорее... предостережение. Так ветер шелестит листвой перед грозой.

Максим обнял её за плечи, и тень отступила.

– Ну что, команда, – сказал он бодро, – разбиваем лагерь? А потом —первый вечер у костра. Я уже вижу то самое идеальное место для палатки.

Их семейное путешествие началось. Смехом Ромы, пытавшегося помочь отцу расстелить брезент, с тихой песенкой Ани, собиравшей полевые цветы, с тёплым, полным по-

нимания взглядом Максима. Настя, помогая устанавливать палатку, снова посмотрела на горы. Пики, окрашенные закатом в багрянец, казались неприступными стражами. Они хранили свои тайны. И свои опасности.

Путь сердца начался. С улыбками, мечтами и лёгкой, едва уловимой тенью тревоги, витавшей над безмятежным горизонтом.

Глава 2: Первая стоянка

Лагерь встал быстро и слаженно, как будто семья уже много раз делала это вместе, а не впервые. Максим, сноровисто управляясь с каркасом палатки, украдкой наблюдал за остальными. Настя расстилала внутри мягкие спальные, превращая походное жилище в уютное гнездо. А на берегу, у самой кромки ледяной, белопенной воды, Рома и Аня устроили соревнование по плоскокамнескоку.

– Раз, два, три! – крикнул Рома и запустил плоский камень. Тот трижды подпрыгнул по воде, оставляя расходящиеся круги, прежде чем утонул.

– Моя очередь! – Аня, сосредоточенно нахмутив бровки, выбрала свой камень, долго прицеливалась и метнула. Камень прыгнул целых пять раз, прежде чем скрыться в стремнине. Рома ахнул от удивления, а девочка сияла победонос-

ной улыбкой.

– Молодец, Анюта! – Настя подошла к детям, присела рядом на крупной гальке. – Но знаете, камни здесь умеют не только прыгать. Они умеют слушать и помнить.

– Помнить? – переспросил Рома, с недоверием разглядывая булыжник в руке.

– Конечно. Каждая река разговаривает. Шум воды – это её голос. А ветер в кронах кедров – это дыхание гор. Если очень тихо посидеть и не думать ни о чём своём, можно услышать, о чём они шепчутся.

Дети, заворожённые её тихим, спокойным голосом, притихли. Даже Рома перестал вертеть камень в руках. Настя закрыла глаза, и они, после секундного колебания, последовали её примеру. На несколько минут на берегу воцарилась тишина, нарушаемая только могучим гулким рокотом Катуня, криком какой-то далёкой птицы и шелестом травы.

– Я... кажется, слышу, – прошептала Аня, не открывая глаз. – Как будто кто-то очень большой и старый... вздыхает.

– А я слышу ручей, – добавил Рома, уже без тени скепсиса. – Тот, что вон там впадает в реку. Он смеётся.

Настя улыбнулась, не глядя на них.

– Вот видите. Вы уже учитесь слушать. Это самый важный навык здесь. Природа всегда предупредит того, кто го-

тов услышать.

Тем временем Максим развёл недалеко от палатки, на безопасном расстоянии от сухой травы, небольшой, но жаркий костерок. Запах дыма, смешанный с ароматом закипающей в котелке гречки с тушёнкой, мгновенно разнёсся по поляне.

– Команда, на ужин! – скомандовал он, и вид его – в походном фартуке, с большим черпаком в руке – был настолько трогательно-домашним, что Настя рассмеялась.

– Чего? – притворно-обиженно спросил Максим.

– Да ничего. Просто ты самый лучший шеф-повар на всём Алтае.

Ужин прошёл шумно и весело. Они ели прямо у костра, завернувшись в тёплые кофты, потому что с заходом солнца с гор потянуло резким свежим холодком. Максим, наблюдая, как дети взахлёб рассказывают о том, что «слышали» у реки, а Настя мягко их поправляет и направляет, чувствовал внутри глубокое, спокойное счастье. Это единство, эта их маленькая крепость из четырёх человек среди огромного древнего мира – было самым ценным, что у него было.

Ночь на Алтае наступала стремительно. Чёрный бархат неба усыпали мириады звёзд, таких ярких и близких, что казалось, будто протяни руку – и зацепишься за Млечный Путь. В палатке, устроившись в своих спальниках, Рома и Аня засыпали почти мгновенно, убаюканные шумом реки и

усталостью от долгого дня.

Настя и Максим лежали ещё какое-то время, прислушиваясь к их ровному дыханию.

– Всё-таки ты был прав, – тихо сказала Настя, глядя в темноту на полог палатки. – Здесь... особенное место. Сила течёт прямо из-под земли. Тихо, но мощно.

– Главное, чтобы эта сила была на нашей стороне, – так же тихо отозвался Максим, нащупывая её руку в темноте.

Их разбудил звук.

Не резкий, не громкий. Глухое, тяжёлое шарканье по гальке совсем рядом с палаткой. За ним – отчётливое фыркание и низкое, грудное ворчание. Максим замер, мгновенно придя в полную боевую готовность. Он медленно, без единого шороха, приподнялся на локте.

Настя уже не спала. В темноте он смутно видел, как она поднимает руку. Её лицо было обращено в сторону шума, губы беззвучно шевелились. От неё, от её неподвижной фигуры, будто потянулась невидимая нить – не страха, а сосредоточенного, напряжённого внимания. Она не смотрела глазами – она ощущала.

Снаружи послышался треск сучка. Существо, какое бы оно ни было, встало на задние лапы. Тень, огромная и косматая, на мгновение закрыла звёзды на полотне палатки. Ря-

дом раздался сонный вздох Ани. Настя резко, почти резко, выдохнула шёпот:

«Свой. Не тронь. Иди своей дорогой.»

Она не произнесла заклинания. Не делала сложных жестов. Это был тихий, но невероятно плотный мысленный приказ, вложенный в шёпот и подкреплённый силой, которую она черпала прямо из спящей под ними земли. Магия была в её воле, в её безусловном «нет», обращённом к дикому зверю.

Наступила тишина. Даже река на секунду будто притихла. Затем – тяжёлое, недовольное хрюканье, и звук удаляющихся шагов. Шарканье по гальке стало тише, пока совсем не растворилось в ночном шелесте.

Максим медленно выдохнул, которого сам не замечал.

– Медведь? – так же шёпотом спросил он.

– Кажется, да, – Настя опустила руку, и плечи её чуть обмякли. – Молодой, любопытный. Прошёл мимо.

Она повернулась к нему, и в слабом свете звёзд, проникавшем сквозь ткань, Максим увидел в её глазах не страх, а усталую серьёзность.

– Он почуял нашу еду. И нас самих. Но теперь он знает, что это место занято. Занято... другим.

Максим обнял её, прижал к себе. Он чувствовал, как часто бьётся её сердце – не от испуга, а от затраченного усилия.
– Спасибо, – прошептал он ей в волосы.

Дети так и не проснулись. Лагерь снова погрузился в мирный сон под бессменный аккомпанемент Катуня. Но что-то изменилось. Волшебство вечера, идиллия первого ужина – никуда не делись, но теперь они были оттенены, очерчены более чёткими гранями реальности.

Лёжа в темноте и прислушиваясь уже к обычным ночным звукам, Максим и Настя понимали одно и то же. Алтай был невероятно, дух захватывающе красив. Но его красота была дикой, древней и безразличной. Она могла приласкать, а могла и смахнуть, как ветер сметает песчинку. Их путешествие только началось, и первая, тихая опасность уже коснулась их палатки холодным носом. Теперь они знали – здесь нельзя забывать ни на секунду. Ни о силе природы, ни о силе, которую они должны были держать наготове, чтобы защитить своё маленькое, хрупкое и такое дорогое единство.

Глава 3: Горные тропы

Утро на Алтае встретило их хрустальным холодком и таким ясным небом, что оно казалось куполом из тончайшего синего стекла. Ночной визит остался за порогом нового дня – дети, выспавшиеся и бодрые, даже не вспомнили о нём за

завтраком. Но для Максима и Насти это было теперь фоновым знанием, тихим напоминанием, от которого движения стали чуть более собранными, а взгляды – чуть более внимательными к окружающему лесу.

– Сегодня идём на смотровую, – объявил Максим, складывая в рюкзак бутерброды, термос и аптечку. – По тропе вдоль хребта. Говорят, вид оттуда – дух захватывает.

– А далеко? – спросил Рома, уже напяливший свой ярко-оранжевый рюкзачок.

– Далековато, – честно признался отец. – Но мы никуда не спешим. Главное – идти вместе.

Первые полчаса пути были похожи на праздник. Тропа, начинавшаяся за поляной, вилась среди столетних кедров, пропуская между ними лучи солнца, которые играли золотыми зайчиками на мшистой земле. Воздух пах смолой, влажной землёй и цветущим баданом. Рома и Аня бежали впереди, наперебой показывая то необычный гриб, то белку, мелькнувшую среди ветвей.

Но постепенно тропа начала набирать высоту. Кедровые поределки сменились низкорослой, кривой лиственницей, а под ногами вместо мягкой хвои появились острые камни и скользкие корни. Весёлый бег сменился осторожной ходьбой, потом – частыми остановками «полюбоваться видом»,

которые на самом деле были нужны, чтобы перевести дух.

Аня отставала первой. Её короткие ножки с трудом одолевали крутые участки. Она не жаловалась, но лицо стало серьёзным, а дыхание – прерывистым. Максим, оглянувшись и заметив это, без лишних слов присел перед ней.

– Командирский пункт наблюдения открыт. Занимай место, боец Аня.

Девочка радостно вздохнула и взобралась ему на плечи. С этой высоты её взору открылся совсем другой мир – долина Катуня, как зелёно-голубая лента внизу, и бесконечная черед хребтов, уходящих в сизую дымку.

Рома, видя сестру на «троне», на секунду загрустил, но тут же взял себя в руки. Он был старше на двадцать минут – и это накладывало ответственность.

– Я могу сам, – сказал он твёрдо и ухватился за протянутую Настей руку.

Её ладонь была тёплой и надёжной. Шли они теперь медленнее, и Настя начала рассказывать.

– Видишь эти камни, Ромка? Большие, поросшие лишайником. Их называют «каменными стражами». Говорят, это древние духи гор, которые окаменели, чтобы вечно охранять эти тропы.

– Правда? – Рома с интересом разглядывал очередной исполинский валун.

– В каждой легенде есть доля правды. Может, это и не духи, а просто камни. Но если относиться к ним с уважением, как к стражам, твой путь будет безопаснее. Алтай любит, когда его жителей замечают. Даже немых и неподвижных.

Она говорила тихо, и её слова переплетались с шумом ветра. Она рассказывала о духе ветра – Шулле, который может быть как ласковым, так и яростным; о хранительницах озёр – Суу-ээзи, которые не любят шума и мусора; о том, что у каждой горы, у каждого перевала есть своё имя и своя история. Рома слушал, разинув рот, и его усталость будто отступала перед потоком этих удивительных знаний.

Они вышли на открытый склон. Тропа здесь шла по узкой карнизу над глубоким распадком. Вид и вправду захватывал дух. Казалось, весь Алтай лежал у их ног. Но красота эта была суровой и безжалостной. Ветер, ласковый внизу, здесь свистел и рвал одежду. Солнце палило беспощадно.

Именно в этот момент, когда они остановились, чтобы сделать фотографию, раздался звук.

Сначала – тихий, отдельный щелчок, как будто лопнула натянутая струна. Потом – сухой, нарастающий шелест, переходящий в грохот.

Максим, всё ещё с Аней на плечах, первым сориентировался.

– Камнепад! К скале! Быстро!

Он указал на массивный выступ скалы в паре метров в стороне от тропы – естественный козырёк. Настя, не выпуская руки Ромы, почти потащила его за собой. Максим, пригнувшись, чтобы не сбросить Аню, бросился следом.

Грохот нарастал, превращаясь в оглушительный рёв. Сверху, с осыпающегося склона, уже неслись, подпрыгивая и разбиваясь, камни – от мелкой щебёнки до булыжников размером с голову. Пыль взметнулась стеной.

Они втиснулись под каменный козырёк, Максим прикрыл детей своим телом. Настя оказалась с краю. Она развернулась лицом к летящей лавине камней. В её глазах не было паники. Было жёсткое, ледяное сосредоточение. Она вскинула руки, но не в защитной позе, а ладонями вперёд, будто упираясь в невидимую стену.

Она не кричала заклинания. Она выдохнула его одним, слитным, полным власти, словом, которое потонуло в грохоте, но которое почувствовали все:

«СТОЙ!»

Это не было обращено к камням. Это было приказано самой горе, духу этого склона, древней силе, вызвавшей обвал. Магия Насти рванулась от неё не щитом, а крюком, якорем,

впившимся в само нутро происходящего. Это была не защита, а жёсткое, мгновенное вмешательство.

И лавина... дрогнула. Основной поток камней, несясь буквально в метре от них, внезапно отклонился, будто наткнувшись на невидимую насыпь. Крупный булыжник, летевший прямо на их укрытие, резко сменил траекторию, ударился о выступ выше них и отскочил в пропасть. Мелкая щебёнка, как град, забарабанила по камню над их головами, но под козырёк не прорвалась.

Рёв стих так же внезапно, как и начался, сменившись тихим перекачиванием последних камешков и облаком медленно оседающей пыли.

Под козырьком воцарилась оглушительная тишина. Первым заговорил Рома, прижавшийся к Насте:

– Мам... ты его остановила?

Аня, сидя на плечах у Максима, молча и очень широко смотрела на мать.

Настя медленно опустила руки. Она была бледна, и мелкая дрожь пробегала по её пальцам. Она дышала глубоко и редко, будто только что вынырнула из ледяной воды.

– Нет, – хрипло сказала она. – Я не могу остановить гору. Я... попросила её немного перенаправить гнев. И напомни-

ла, что здесь есть жизнь, которую нужно пощадить.

Максим помог Ане слезть, а затем обнял Настю, чувствуя, как она вся напряжена, как струна.

– Всё в порядке, – прошептал он ей на ухо. – Всё позади.

Но когда они выбрались из-под укрытия и увидели тропу, усыпанную свежими камнями, а на том месте, где стояли секунду назад – вмятину от того самого булыжника, стало ясно: «позади» – не совсем точное слово.

Они молча, помогая друг другу, обошли опасный участок. Дети не капризничали, не просились на руки. Они шли, крепко держась за родителей, и в их глазах читалось новое, взрослое понимание.

Красота вокруг не стала меньше. Но теперь она виделась иной. Эти величественные хребты, эти ослепительные вершины – они были не просто фоном для приключений. Они были живым, дышащим, могущественным существом. Существом, которое могло позволить им пройти по своим тропам, показать свои чудеса, но в любой момент могло напомнить о своей неукротимой силе одним движением каменной брови.

Семья сплотилась в тот момент под скалой теснее, чем когда-либо. Но в этом сплочении не было прежней безмятеж-

ности. Была осознанная, выстраданная решимость. Они поняли главное: их путешествие – не игра. Природа Алтая была не просто декорацией. Она была их самым серьёзным, самым беспристрастным и самым величественным противником. И уважение к ней – было вопросом выживания.

Глава 4: Древний знак

После камнепада они шли молчаливее и осторожнее. Даже Рома перестал бежать вперёд, держась рядом с отцом и внимательно глядя под ноги. Тропа повела их вниз, в небольшую седловину между двумя отрогами, где журчал ручей и воздух был густым от запаха влажного мха и чего-то сладковатого, цветочного.

Именно здесь, у самого истока ручья, где вода пробивалась из-под нагромождения покрытых зелёным бархатом лишайника валунов, Настя вдруг остановилась как вкопанная.

– Стойте.

В её голосе не было тревоги, но была та напряжённая тишина, которая заставляет замереть. Максим мгновенно насторожился, автоматически поставив детей позади себя. Настя медленно подошла к самому крупному камню, плоскому и тёмному, будто отполированному тысячелетиями ветра и

ВОДЫ.

На его почти вертикальной поверхности был знак.

Это не было естественным сколом или игрой природы. Линии были слишком ровными, слишком осмысленными. Три концентрических круга, заключённых в треугольник, от которого вниз расходилась зигзагообразная черта, напоминающая молнию или корень. Резьба была глубокой, залитой тёмно-бурой патиной времени, но линии всё ещё казались невероятно чёткими.

– Ой! – воскликнула Аня, первая нарушив тишину. – Что это?

– Это... очень старый знак, – тихо сказала Настя, не сводя с него глаз. Она не прикасалась к камню, лишь водила ладонью в сантиметре от поверхности, будто ощупывая невидимое поле. – Метка. Как... печать. Здесь место силы. Очень древнее и мощное.

Рома, забыв об осторожности, рванулся вперёд.

– Настоящее! Как в играх! – Он протянул руку, желая потрогать загадочные линии, но Настя мягко остановила его.

– Подожди. Давай сначала почувствуем.

Она взяла руки детей и приложила их ладонями к воздуху перед камнем.

– Закройте глаза. Что чувствуете?

Дети послушно зажмурились. Через несколько секунд Рома прошептал:

– Тёплое... как от печки. Но не жарко.

– А у меня щекотно! – добавила Аня. – Как будто маленькие-маленькие пузырьки лопаются.

Настя кивнула, и в её глазах мелькнуло одобрение.

– Правильно. Это энергия места. Она живая. Она... бьёт ключом, как этот ручей. Этот знак – как табличка: «Источник здесь».

Максим, всё это время молча наблюдавший, достал свой телефон.

– Для семейного архива, – сказал он и сделал несколько снимков под разными углами. В объективе знак выглядел ещё таинственнее, почти зловеще. – И что, такие знаки часто встречаются?

– Нет, – ответила Настя, и её голос стал глубже. – Такие – редко. Очень. Обычные метки духов – проще. А это... это целенаправленное, сильное заклинание, высеченное в камне. Оно не просто отмечает. Оно... удерживает.

Она наконец опустила руку и отступила на шаг, и её лицо стало сосредоточенным и бледным.

– И есть что-то ещё. Рядом. Не в самом знаке, а... вокруг.

Как тень от него. Тёмная, холодная. Кто-то или что-то ещё знает об этом месте. И относится к нему... не с почтением.

Она обвела взглядом небольшую поляну. Всё выглядело идиллически: солнечные пятна на траве, жужжание пчёл, мелодичный ручей. Но теперь, после её слов, в этой идиллии проступили иные детали. Сломанная недавно ветка у куста можжевельника. След на влажной земле у воды – не оленя и не медведя, а скорее, подошвы ботинка. И тишина – слишком пристальная, будто даже птицы в округе притаились.

Максим нахмурился. Его практичный ум, уже наученный горными тропами и ночным визитом, мгновенно перешёл в режим оценки угрозы.

– Ты думаешь, кто-то следил за нами? Или просто наткнулся на это место раньше?

– Не знаю, – честно призналась Настя. – Но энергия свежая. И враждебная. Она хочет этого места, но... боится знака. Или того, что за знаком.

Рома и Аня, притихшие, смотрели то на знак, то на родителей. Любопытство в их глазах боролось с инстинктивной тревогой, подогретой серьёзностью взрослых.

– А что за знаком? – спросил Рома, указывая на камень. – Там, внутри горы?

– Возможно, – сказала Настя. – Источник силы. Или

дверь. Или... ловушка. Знаки силы редко ставят просто так. Чаще – чтобы охранять что-то важное. Или чтобы предупредить об опасности.

Максим взвесил все варианты. Повернуть назад? Но тропа здесь была одна, и возвращаться означало снова идти мимо опасного осыпающегося склона. К тому же в нём самом загорелось то самое упрямое любопытство, которое всегда влекло его к разгадкам. Он посмотрел на Настю и увидел в её глазах тот же вопрос, ту же жажду понять.

– Исследуем? – тихо спросил он.

Она медленно кивнула.

– Да. Но предельно осторожно. Дети – между нами. Ни шагу в сторону без спроса.

Она опустила перед Ромой и Аней на корточки, глядя им прямо в глаза.

– Ребята, это сейчас очень важно. Мы ищем разгадку. Но здесь, как в самой интересной игре, есть правила. Вы рядом с нами. Видите что-то странное – сразу тихонько говорите. Хочется потрогать – сначала спросите. Договорились?

– Договорились! – вполголоса, но твёрдо ответили двойняшки.

Их маленькая экспедиция двинулась дальше, обойдя таинственный камень. Знак остался позади, будто невидимым взглядом провожая их. Любопытство, горячее и азартное,

гнало их вперёд. Каждый куст, каждый камень теперь казался потенциальной подсказкой. Рома шептал Ане теории о скрытых сокровищах, а та искала глазами «странные тени».

Но под этим любопытством, как холодное течение под тёплой поверхностью озера, текла тревога. Максим шагал, постоянно оглядываясь и прислушиваясь, его спина была напряжена, готовясь в любой момент стать щитом. Настя шла впереди, её взгляд был острым, а всё существо – раскрытым радаром, улавливающим малейшие вибрации в энергетическом поле места.

Они вошли в узкую расщелину за ручьём, где свет становился зеленоватым и приглушённым. Воздух запахло сыростью и старым камнем. Что скрывал этот древний знак? Приглашение или предупреждение? Ключ к тайне Алтая или первый шаг в ловушку, расставленную теми, кто оставил здесь тёмный, холодный след? Ответ висел в прохладном, неподвижном воздухе расщелины, и семья, затаив дыхание, двигалась навстречу ему, держась друг за друга крепче, чем когда-либо.

Глава 5: Встреча с пастухом

Расщелина вывела их на солнечный склон, где тропа снова становилась широкой и ухоженной. Напряжение, сжимавшее

грудь в тесном каменном коридоре, немного ослабло. Впереди, на фоне изумрудного альпийского луга, виднелись тёмные точки – стадо овец, неспешно перебирающихся по склону. Рядом с ними, прислонившись к посоху, стоял человек.

Это был старик. Не просто пожилой, а древний, будто вырезанный ветрами из той же породы, что и окружающие горы. Лицо его было изборождено глубокими морщинами, как руслами высохших рек, но глаза, маленькие и пронзительно чёрные, горели живым, нестареющим огнём. На нём был потрёпанный войлочный бушлат, а на голове – традиционная алтайская шапка с отогнутыми полями.

Он молча наблюдал, как семья выбирается из расщелины, и его взгляд, тяжёлый и оценивающий, скользнул по каждому из них, дольше всего задержавшись на Насте.

– Здравствуйте, – первым, как всегда, нарушил тишину Максим, слегка кивнув.

Старик не ответил на приветствие. Он ткнул посохом в сторону тёмного прохода за их спинами.

– Оттуда шли? – его голос был хриплым, как скрип старого дерева, но удивительно чётким.

– Да, – ответила Настя, и в её голосе прозвучало непроизвольное уважение.

– И знак видели?

Этот вопрос прозвучал не как предположение, а как констатация факта. Настя лишь кивнула.

Старик что-то неразборчиво пробормотал себе под нос, качая головой. Потом махнул посохом, приглашая их подойти ближе к стоянке, где на камне дымился маленький костёрчик и стоял закопчённый чайник.

– Чайку? – это уже было почти гостеприимно.

Пока он разливал по пиалам густой, терпкий чай с солью и молоком, дети робко наблюдали за ним, а Максим и Настя переглядывались. В этом человеке чувствовалась не просто мудрость прожитых лет, а знание чего-то большего.

– Не любят горы, когда в их старые раны лезут, – начал старик, не глядя на них, уставившись в даль. – Особенно те раны, что нанесены не камнем, а чёрным сердцем.

– О чём вы? – спросил Максим, стараясь, чтобы в голосе не звучал скепсис, а лишь интерес.

– О проклятии, сынок. Не на одну семью, не на один род. На место. На душу этих гор. Давно, когда мои прадеды ещё мальцами были, пришли сюда люди не наши. Искали они не травы и не пастбища. Искали силу. Древнюю, что спит в пещерах и под озёрами. И нашли способ её вытянуть. Чёрной магией.

Он произнёс эти слова без пафоса, просто как констата-

цию печального факта, вроде «дождь пошёл». Но в воздухе вдруг похолодало.

– Что... что они сделали? – тихо спросила Настя.

– Нарушили равновесие, ведунья, – старик впервые посмотрел на неё прямо, и в его взгляде читалось понимание. – Высосали свет из одних мест, наполнили тенью другие. Духи разгневались, но связаны были теми же печатями, что и вы видели. Теперь в тех местах, где сила была вывернута наизнанку, бродит тьма. И тянется к живым. А новые люди приходят... – он махнул рукой в их сторону, – те, кто хочет ту же силу найти, чтобы властвовать. Используют те же чёрные знаки, те же заклинания. Охотятся за артефактами, что ещё не тронуты.

Максим нахмурился. Звучало это как мрачная сказка, призванная отпугнуть туристов от опасных мест. Он открыл рот, чтобы задать практичный вопрос о горных обвалах или диких зверях, но Настя его опередила.

– Тёмный след у камня... он свежий. И голодный. Это они?

Старик кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то вроде уважения.

– Чуешь. Значит, не зря в тебе дар. Да, это они. Ищут вход. Знак пока держит, но всякий замок от времени слабеет. Им нужно то, что внутри. А вам, – он перевёл тяжёлый взгляд на детей, – вам здесь не место. Горы красивы, но красота эта

сейчас – как цветок на могиле. Под ним смерть лежит.

Он отложил посох и порылся в кожаном мешочке у пояса. Вынул две небольшие деревянные плашки, грубо вырезанные в форме солнца с расходящимися лучами. На каждой была выжжена та же тройная спираль, что они видели в центре знака на камне.

– Держите, – он протянул плашки Роме и Ане. – Не украшение. Амулеты. Из дерева, что молния не тронула. Берегите. От тёмного взгляда, от липкой мысли защитят. Слабую защиту дадут, но лучше, чем ничего.

Дети осторожно взяли подарки. Плашки были тёплыми на ощупь, и под пальцами чувствовалась лёгкая, едва уловимая вибрация, будто внутри них тихо пела струна.

– Спасибо, – прошептала Аня.

– Большое спасибо, – добавил Рома, крепко сжимая свой амулет.

Старик повернулся к Максиму и Насте.

– А вам совет мой: пещер стороной обходите. Все. Особенно те, что сами в землю как пасти звериные просятся. В них теперь не духи живут, а эхо того проклятия. И... охотников логова.

Он допил свою пиалу и поднялся, опираясь на посох, будто внезапно устав от разговора.

– Путь ваш дальний. Светлых дорог. И помните: не всё, что блестит в горах – золото. Чаше – ловушка.

Он кивнул на прощание и, не оборачиваясь, заковылял к своему стаду, сливаясь с пейзажем так быстро, будто и не было его.

Семья ещё долго молча стояла на склоне. В руках у детей грели ладони простые деревяшки, а в ушах звенели слова о проклятии, чёрной магии и охотниках за силой.

– Насть... – начал Максим, но она его перебила.

– Он не лгал, Макс. Ни в одном слове. Я чувствовала то же самое у камня. Только он... дал этому имя. И историю.

– Значит, те следы... люди? Опасные люди?

– Да, – Настя сжала его руку. – И они где-то рядом. Ищут то же, что привлекло и нас. Только их цели... другие.

Они посмотрели на детей, которые, уже оправившись от первого шока, с любопытством разглядывали амулеты. Рома уже привязывал свой к шнурку рюкзака. Простое деревянное солнышко вдруг стало самым ценным и самым страшным предметом в их путешествии.

Тропа впереди казалась такой же солнечной и мирной. Но теперь каждый поворот, каждый шорох в кустах, каждый

тёмный провал в скале вдаль – всё это виделось иначе. Не как часть прекрасного, сурового пейзажа, а как потенциальная угроза, место для засады, вход в запретное.

Они поблагодарили невидимого уже старика и тронулись в путь. Но шли теперь по-другому. Не просто семьёй туристов, а маленьким отрядом, внезапно узнавшим, что идёт не по нейтральной территории, а по краю чужой, очень древней и очень тёмной войны. Воздух стал гуще, цвета – чуть резче, а тишина между ними – более значимой.

Опасность, которая раньше была абстрактной тенью на горизонте, теперь обрела форму и голос. Она была ближе. Гораздо ближе, чем хотелось бы думать. И их путь, отмеченный благодарными улыбками детей и тёплыми амулетами на их рюкзаках, стал невыносимо напряжённым.

Глава 6: Ночная буря

Вечером, после встречи со старым пастухом, они разбили лагерь в небольшой, казалось бы, защищённой ложбине. Небо, ещё час назад чистое и ясное, начало покрываться мутной, желтоватой пеленой. Воздух стал тяжёлым и неподвижным, а птицы куда-то попрятались.

– Что-то не так, – тихо сказала Настя, поднимая голову.

Её взгляд скользил не по облакам, а сквозь них, будто она видела не цвет и форму, а самую суть атмосферы. – Духи ветра встревожены. Готовится буря.

Максим, уже укреплявший оттяжки палатки, лишь кивнул. После рассказов пастуха скепсис поутих, уступив место практической осторожности. Он проверил, чтобы все вещи были убраны в непромокаемые мешки, а тент был натянут как можно ниже.

Буря пришла не с грохотом, а с тихим, нарастающим шёпотом. Сначала это был едва слышный шелест в вершинах сосен на гребне. Потом – резкий, ледяной порыв ветра, ворвавшийся в ложбину и заставивший тент захлопать, как парус. И лишь затем, спустя считанные минуты, небо раскололось ослепительной, сиреневой молнией, и грохот грома покатился по горам, заставляя содрогаться землю.

Дождь обрушился не каплями, а сплошной ледяной стеной. Он хлестал по тенту с такой силой, что тот прогнулся, а через мгновение первые струи воды уже забили под полог. Холодный поток устремился по склону ложбины прямо к их палатке.

– Всё в рюкзаки! Быстро! – скомандовал Максим, уже зажигая налобный фонарь. Его голос, обычно спокойный, был жёстким и собранным. – Настя, детей ко мне!

Он был уже на ногах, сбрасывая спальник. Рома и Аня, разбуженные громом, сидели, прижавшись друг к другу, глаза огромные от страха в свете фонаря. Вода уже подступала к краю их постелей.

Настя, не теряя ни секунды, одним движением засунула их маленькие спальники в рюкзаки и натянула на детей дождевики. Максим, оценив ситуацию, понял: палатка не выдержит. Вода прибывала слишком быстро.

– Вон там, видишь? – он светил фонарём на противоположный склон ложбины, где под нависающей каменной плитой чернело небольшое углубление. – Несис! Под скалу!

Он схватил Аню, плотно закутанную в дождевик, и прижал к груди. Настя подхватила Рому. Они выскочили из палатки прямо в ледяной ад. Вода по щиколотку, хлещущий в лицо дождь, ослепляющие вспышки молний и оглушительный рык грома – всё смешалось в хаосе. Максим, пригибаясь, бежал вверх по склону к тёмному укрытию. Настя следовала за ним, одной рукой неся сына, другой отгораживая его лицо от ветра.

Каменный козырёк оказался небольшим, но сухим. Они втиснулись туда, на сырую, но не затопленную землю. Максим посадил дрожащую Аню, помог Насте устроить Рому. Дети молчали, лишь прерывисто всхлипывали, прижимаясь

к мокрой одежде родителей. Снаружи буря бушевала с удвоенной силой. Молнии били где-то совсем рядом, освещая на мгновение исковерканный, залитый водой мир, а гром гремел прямо над головой, заставляя вибрировать камень.

Настя обняла детей, пытаясь согреть их дрожь. Но её взгляд был устремлён не на них, а в темноту бури. Она видела не просто дождь и ветер. Она видела разъярённого зверя, духа стихии, вырвавшегося на волю. Его ярость была слепой, но она чувствовала в ней и отголоски того самого дисбаланса, о котором говорил пастух – как будто сама природа Алтая была на взводе, готовая сорваться в ярости по малейшему поводу.

– Держитесь за меня, – тихо сказала она детям и Максиму. – И не бойтесь. Я попрошу её успокоиться.

Она высвободилась из объятий, но оставила ладони на детских плечах. Закрыв глаза, она начала дышать глубоко и ровно, пытаясь найти внутри себя точку покоя в самом сердце хаоса. Потом она заговорила. Не громко, но очень чётко, и её слова, казалось, резали вой ветра.

«Духи гор, духи неба, духи вод.

Мы путники, не враги вашему дому.

Мы просим не милости, а только покоя для малых.

Уймите гнев, сведите вспять воду.

Пусть ветер унесёт тучи прочь, а гром стихнет вдали.
Во имя равновесия, во имя старых договоров.»

Это не было заклинание власти. Это была просьба. Мольба, подкреплённая всей её силой ведуньи и материнской любовью, которая была ярким, тёплым маяком в холодной тьме бури. Она не приказывала стихии – она взывала к её разуму, к древней памяти о порядке.

Сначала ничего не изменилось. Потом... ветер, яростно бивший в их укрытие, вдруг дрогнул. Его порывы стали менее резкими, более порывистыми, будто неистовый зверь задумался. Грохот грома стал отдаляться, перекатываясь куда-то в соседние долины. А дождь... дождь из ледяной стены превратился в сильный ливень, затем в частые капли, и, наконец, почти прекратился.

Через полчаса в разрывах туч показались звёзды. Буря ушла, унося с собой гром и молнии, оставив после себя только тихое, печальное журчание многочисленных ручейков и тяжёлое, влажное дыхание земли.

Утром они выбрались из-под скалы. Картина была унылой. Их палатка лежала на боку, наполовину залитая грязной водой и засыпанная илом и хвоей. Вещи, которые не успели убрать, плавали в лужах. Вся ложбина была изрыта но-

выми промоинами, деревья вокруг – поломаны. Воздух пах озоном, сырой землёй и разрушением.

Но они были целы. Все четверо. Дети, уже оправившись от страха, с любопытством, смешанным с ужасом, разглядывали последствия бури. Их маленькие амулеты, подаренные пастухом, были сухими и тёплыми.

Максим молча обнял Настю. В его объятиях была благодарность, признание и глубокое, немое уважение. Он видел, как она побледнела после обряда, как дрожали её руки. Он понимал теперь – её магия была не игрой и не суеверием. Это был реальный, затратный труд, диалог с силами, которые могли как защитить, так и уничтожить.

Они стояли посреди промокшего, изуродованного лагеря, и это зрелище было красноречивее любых слов. Алтай был прекрасен в своей мощи и ужасающ в своём гневе. Он не был для них домом – он был древним, могущественным храмом, полным как благодати, так и гнева. И каждое их движение здесь было шагом по тонкому льду.

Уважение и осторожность перестали быть абстрактными понятиями. Они стали единственным законом выживания в этом царстве камня, ветра и древней, пробуждённой магии. Семья была цела. Но урок был усвоен – и запечатлён в про-

мокших вещах, в сломанных ветвях и в тихом, серьёзном свете их глаз.

Глава 7: Тайна пещеры

Тропа после бури стала более коварной – размытой, усыпанной щебнем и хворостом. Они шли медленно, обходя оползни, и разговор вчерашнего пастуха висел между ними невысказанным, но ощутимым, как запах грозы после дождя.

Именно поэтому, когда тропа повела их к тёмному, треугольному провалу в основании скального массива, все четверо остановились как по команде. Вход в пещеру. Небольшой, но глубокий. Его края были неестественно ровными, будто вырубленными рукой человека, а не временем. Перед ним лежала плоская каменная плита, почти алтарь, и на ней, выветренная, но узнаваемая, была высечена та же тройная спираль.

Настя почувствовала это первой – мощный, глубокий гул, исходящий из недр. Не звук, а чистую вибрацию, которая отзывалась в её костях. Это была не тёмная энергия, как у камня с древним знаком. Это было что-то древнее, спящее, но полное невероятной силы. Место силы, о котором она говорила, но в тысячу раз мощнее.

– Мама, смотри! – прошептал Рома, указывая на плиту. – Тот же знак.

– Предупреждение, – глухо сказал Максим, вспоминая слова старика. Пещер стороной обходите.

– Или приглашение, – тихо возразила Настя. Она не могла оторвать взгляд от тёмного входа. Сила манила её, как магнит. Это было опасно, она знала. Но это было и... важно. Как будто здесь лежал ключ к пониманию всего, что происходило вокруг. – Я чувствую... это не зло. Оно просто есть. Очень старое и очень мощное.

Дети, чувствуя колебание взрослых, затаили дыхание. Аня крепче сжала в кармане свой деревянный амулет.

– А что там внутри? – спросила она.

– Мы не узнаем, если не посмотрим, – сказал Рома, и в его глазах загорелся азарт исследователя, который уже затмил страх.

Максим посмотрел на Настю, потом на детей, потом снова на тёмный провал. Практицизм кричал ему «нет». Но что-то ещё – то же упрямое любопытство, что вело его всю жизнь, и абсолютное доверие к чутью жены – тянуло вперёд.

– Быстро. Только осмотр входа. Если что-то не так – сразу назад. Дети между нами. – Его решение было принято.

Он достал из рюкзака мощный фонарь и первым шаг-

нул под каменную арку. Внутри оказалось сухо и прохладно. Воздух пах пылью, камнем и чем-то сладковато-пряным, как сухие травы. Луч фонаря выхватил из тьмы стены, и все ахнули.

Стены пещеры, насколько хватало света, были покрыты рисунками. Охрой, углём, чем-то белым, похожим на мел. Здесь были сцены охоты на оленей с луками, фигуры людей в странных головных уборах, танцующие вокруг костра. Но выше, ближе к своду, начиналось другое. Спирали, похожие на знак у входа. Схематические изображения гор с сияющими вершинами. И существа – не люди и не звери, а некие духообразные фигуры, протягивающие что-то к небу.

– Наскальные рисунки... – восхищённо прошептал Максим, и в его голосе прозвучало неподдельное благоговение перед древностью.

– Не только, – сказала Настя. Она подошла к стене и, не касаясь, провела рукой перед изображением одной из спиралей. – Это... инструкция. И карта. Видишь, как линии энергии идут от гор к этим точкам? Они показывают потоки силы. Эта пещера – один из узлов.

Дети, забыв обо всём, смотрели широкими глазами. Для них это была ожившая история, волшебство, ставшее явью. Аня тронула маленькое нарисованное солнышко, и её паль-

цы ничего не почувствовали, но ей показалось, что оно тёплое.

Именно в этот момент, когда восхищение достигло пика, они слышали шаги.

Тихие. Осторожные. Не из глубины пещеры – она, судя по эху, уходила ещё далеко. Шаги раздались снаружи, у самого входа. И остановились. Кто-то замер, слушая их голоса и шорохи.

Максим мгновенно погасил фонарь, погрузив всех в крошечную тьму. Он одним движением прижал детей к стене, заслонив их собой. Его мышцы напряглись, дыхание стало тише и реже. Он был готов. К чему угодно.

Настя не стала зажигать свет. Она шагнула вперёд, встала между семьёй и входом. Её руки совершили в темноте быстрые, чёткие движения: она начертила перед собой в воздухе закрывающийся круг, а затем, разорвав воображаемую нить на своей ладони, бросила её концы на детей и Максима, мысленно обвивая их невидимым покровом.

«Невидимы для чужого глаза, неслышны для чужого уха. Пока мы здесь стоим, мы – часть камня, часть тени.»

Это было заклинание сокрытия, маскировки. Оно не дела-

ло их невидимыми по-настоящему, но должно было скрыть их присутствие от чужого внимания, сделать их... неинтересными, незаметными для того, кто стоит снаружи.

На несколько секунд воцарилась полная, гнетущая тишина. Потом снаружи послышался приглушённый голос, мужской, грубоватый:

– Никого. Или уже ушли.

Второй голос, более высокий, ответил:

– Следы свежие. И энергия... чужая. Чувствуешь? Женская. С детьми.

– Значит, они уже здесь. И они знают. Нужно доложить.

Шаги удалились, затихли. Но в воздухе повисло ощущение тяжёлого, враждебного внимания, которое только что от них отвернулось.

Максим зажёл фонарь, луч его выхватил бледные, напряжённые лица.

– Пошли, – коротко бросил он. – Теперь. Быстро и тихо.

Они выскользнули из пещеры, как тени. Солнце слепило после темноты. Никого вокруг не было видно, но ощущение, что их только что рассматривали как цель, не отпускало. Они не стали говорить, не стали обсуждать находки. Собравшись, они почти бегом, оглядываясь, покинули это место, уходя вглубь леса, подальше от зловещего входа.

Когда между ними и пещерой легло уже солидное расстояние, они остановились у ручья, чтобы перевести дух.

– Они нас нашли, – тихо констатировала Настя. Её руки всё ещё дрожали от затраченных сил. – Они знают, что мы здесь. И знают... что я ведунья. Они почувствовали мою энергию.

– Кто они? – спросил Рома, и в его голосе впервые прозвучал не детский испуг, а взрослая, холодная тревога.

– Те, о ком говорил пастух, – ответил Максим. Он смотрел в сторону, откуда они пришли, и его лицо было жёстким. – Охотники за силой. И теперь мы на их радар.

Опасность, которая раньше была туманной угрозой, сказкой старого пастуха, теперь обрела голоса и шаги. Она вышла из тени и показала, что знает об их присутствии. Она была рядом. И она была враждебна.

Древние рисунки в пещере, потоки магической силы – всё это отошло на второй план перед простым и страшным осознанием: игра в прятки закончилась. Их путешествие по Алтаю только что перешло в новую фазу. Фазу, где любопытство могло стоить жизни, а каждое дуновение ветра в ветвях могло нести в себе шёпот врага. Опасность не просто нарастала. Она встала с ними лицом к лицу в темноте пещеры, и теперь шла за ними по пятам.

Глава 8: Первая схватка

Они вышли из пещеры в молчании, ещё не оправившись от услышанного, но инстинкты уже били тревогу. Воздух, который у входа раньше был наполнен лишь запахом хвои и влажного камня, теперь казался густым и тяжёлым, будто пропитанным статическим электричеством перед ударом молнии.

Максим шёл первым, его тело было напряжённой пружиной, глаза сканировали каждую складку местности. Настя замыкала шествие, одной рукой прижимая к себе Аню, другой держа за руку Рому. Она чувствовала это – липкое, холодное внимание, прилипшее к ним, как паутина. Оно висело в кустах можжевельника справа от тропы.

Атака началась без предупреждения. Не с крика, а с тихого шипящего звука, похожего на разрываемую ткань. Из-за камней метнулись три тёмные фигуры в камуфляже, и пространство перед ними исказилось, словно в знойный день над асфальтом. Воздух сгустился в полупрозрачные, мерцающие тёмным фиолетовым щупальца, которые рванулись к семье.

Тёмные заклинания. Они не горели, не сверкали – они

всасывали свет и тепло, оставляя за собой ощущение ледяного вакуума и тошнотворной слабости.

«Назад!» – рывкнул Максим, отталкивая Настю с детьми за большой валун у входа в пещеру. Сам он не отступил. Вместо этого он сделал резкий шаг навстречу щупальцам, и его движение было не бегством, а выпадом. Он не видел магию, но видел её эффект – искажение воздуха. Его тренированное тело среагировало автоматически. Он не пытался ударить невидимое – он резко, с силой взметнул рукой вверх, как бы разрывая невидимую завесу перед собой. И странно – там, где его движение пересекло траекторию тёмного щупальца, оно дрогнуло и распалось на клочья, словно дым.

Магия? Нет. Чистая, сфокусированная воля. Сила духа, которую он, сам того не ведая, годами оттачивал в тренировках. Она была его щитом.

Пока Максим, двигаясь с удивительной для его комплекции скоростью, сбивал, запутывал и физически атаковал приближающихся людей, заставляя их отвлекаться на него, Настя действовала.

Она втолкнула детей в узкую расщелину за валуном.
– Не высовываться! – приказала она, и в её голосе не было места для обсуждения.

Затем она развернулась. Её лицо было бледным, но спокойным. Она подняла руки, и между её ладонями вспыхнул сгусток тёплого, золотистого света. Он был неярким, но невероятно плотным и живым.

«Свет, что был до тьмы! Сила, что течёт в корнях гор! Дай мне твою ярость, твою чистоту! Развей эту гниль!»

Она не просто бросила световой шар. Она направила поток чистой, природной энергии, как струю из шланга, в самого крупного из нападавших, который пытался зайти Максиму сбоку. Тот, ожидавший физической атаки, не успел среагировать на магию. Золотистый поток ударил его в грудь, не оставив ожога, но сбив с ног и заставив его закричать – не от боли, а от ощущения жгучего, невыносимого дискомфорта, будто его внутренний холод внезапно растаял под палящим солнцем.

Но один из врагов, ловкий и худой, проскользнул мимо Максима. Его цель были дети. Рома, выглянувший из-за укрытия и увидевший приближающуюся к сестре тень, не раздумывал. С диким, отчаянным криком он выскочил из расщелины и бросил в нападавшего первый, что попался под руку, – тяжёлый, острый камень.

Камень не попал. Но неожиданный крик и движение отвлекли врага на долю секунды. Этого хватило Насте. Она, не

меня положения, резко щёлкнула пальцами в его сторону. Раздался негромкий хлопок, и воздух перед лицом незваного гостя сгустился в упругую, невидимую стену. Он ударился об неё лицом и отшатнулся.

Максим, воспользовавшись моментом, закрыл дистанцию с третьим и нанёс короткий, точный удар в солнечное сплетение. Тот сложился пополам, теряя концентрацию, и тёмное заклинание, которое он готовил, рассеялось с шипением.

Лидер, тот, что был сбит с ног магией Насти, поднялся. Его лицо, скрытое в тени капюшона, исказила злоба, но в глазах читалась и осторожность. Он понял, что они недооценили эту семью.

– Не сегодня, – прошипел он хриплым голосом. – Но это не конец. Мы вернёмся. И возьмём то, что нужно. Или вас. – Его взгляд скользнул по Насте, и в нём была неприкрытая жадность.

Не дожидаясь ответа, все трое отступили, растворяясь в лесу с неестественной быстротой, будто их подхватила и унесла сама тень.

Битва закончилась так же внезапно, как и началась. Наступила тишина, нарушаемая только тяжёлым дыханием Максима и сдавленным всхлипом Ани из укрытия.

И тут Настя, всё ещё стоявшая с поднятыми руками, вдруг пошатнулась. Она медленно опустилась на колени, прижимая правую руку к боку. Сквозь разорванную ткань куртки проступало тёмное, липкое пятно. Один из тёмных энергетических щупальцев, прежде чем Максим успел его рассеять, всё же коснулось её, оставив не рану в привычном смысле, а странный, холодный ожог. Кожа не была разорвана, но почернела и мертвенно онемела, а внутри, как заноза, засела чужая, разъедающая энергия.

– Насть! – Максим был рядом в мгновение ока. Он бережно обнял её, поддерживая.

– Ничего... – попыталась она успокоить его, но голос её дрогнул от боли и истощения. – Просто... холодно очень.

Рома и Аня вылезли из укрытия. Лицо Ромы было испачкано пылью и слезами, но он пытался держаться. Аня молча прижалась к матери, обнимая её за шею.

Максим, не говоря ни слова, аккуратно усадил Настю, достал из рюкзака аптечку и бутылку с водой. Он промыл непонятную «рану» – вода на почерневшей коже слегка зашипела. Затем он нашел маленькую баночку с мёдом и зверобойным маслом, которое Настя собрала и приготовила ещё дома «на всякий случай». Он нанёс тёплую, липкую субстанцию на почерневший участок.

– Это не поможет против магии, – слабо улыбнулась Настя.

– Но поможет тебе, – твёрдо сказал Максим. Он знал, что главное сейчас – не физическое лечение, а его забота, его прикосновения, которые напоминали ей, что она не одна. Он перевязал бок чистым бинтом, затем снял с себя тёплую кофту и накинул на её плечи.

Дети помогали, как могли. Аня принесла ей попить, а Рома, всё ещё дрожа, стоял на страже, беспомощно сжимая в руке очередной камень.

Боль медленно отступала, сменяясь леденящей усталостью. Но глядя на мужа, чьи руки были так бережны, на детей, чьи глаза были полны любви и страха за неё, Настя чувствовала, как внутри загорается тёплый, упрямый огонёк. Он был слабее магии гор, но сильнее любой тьмы. Это была их сила. Сила их четверых.

– Мы не можем оставаться здесь, – тихо сказал Максим, помогая ей подняться. – Они сказали, что вернутся.

Настя кивнула, опираясь на него.

– Да. Но теперь мы знаем, с чем имеем дело. И они... узнали нас.

В её словах не было гордости, лишь усталое принятие факта. Маскировка сорвана. Первая схватка была позади.

Они отбились. Но цена оказалась ощутимой, а обещание врагов вернуться висело в воздухе тяжелее свинца.

Их путь продолжился. Настя шла, прихрамывая, держась за плечо Максима. Дети шли впереди, теперь уже не беспечно, а оглядываясь на каждый шорох. Они были ранены, напуганы, но не сломлены. Потому что любовь, которая связывала их в единое целое, и забота друг о друге давали им то, чего не могла дать никакая магия – неукротимую волю продолжать идти вперёд, несмотря ни на что. Их семья стала крепостью, и первая атака лишь доказала, что стены этой крепости надо укреплять.

Глава 9: Убежище в горах

После схватки они шли до темноты, двигаясь вглубь гор, подальше от троп и пещер. Настя, бледная и молчаливая, опиралась на Максима, каждый шаг давался ей с трудом. Холодная «рана» на боку ныла, высасывая силы, но она стиснула зубы и шла, чувствуя, как за спиной нарастает тень угрозы.

Убежище нашлось почти случайно – точнее, его почуяла Настя. Небольшой грот под нависающей скалой, почти невидимый с тропы, завешанный ползучими корнями старой сосны. Внутри было сухо, просторно для четверых и, что важнее

всего, Настя ощутила здесь слабый, но чистый поток земной энергии – как тихий родник, который мог помочь ей восстановиться.

– Здесь, – коротко сказала она, и в её голосе прозвучало облегчение.

Пока Максим разбирал рюкзаки и раскладывал спальники, Настя устроилась у дальней стены, прислонившись спиной к тёплому камню. Она закрыла глаза, мысленно простирая корни своего сознания вглубь скалы, к тому слабому источнику силы. Это не было лечение – это была подзарядка, медленное вытеснение чужеродного холода теплом земли.

Рома и Аня, всё ещё взволнованные, но уставшие до дрожи, сидели рядом, не решаясь шуметь. Они наблюдали, как мама, казалось, засыпает, но её лицо понемногу теряло мертвенную бледность.

Наутро Настя почувствовала себя лучше. Боль сменилась глубокой усталостью, но леденящий холод внутри отступил. Она могла двигаться почти свободно. Максим, который почти не сомкнул глаз, охраняя вход, приготовил на маленькой горелке кашу. Завтрак прошёл в почтительном молчании. Но когда чашки были убраны, в воздухе повис главный, невысказанный вопрос: Что дальше?

– Они найдут нас, – первым нарушил тишину Максим. Он говорил спокойно, без паники, просто констатируя факт. – Мы оставили следы, а эти... люди, судя по всему, умеют искать. Нам нужно быть готовыми.

– Мы не можем всю оставшуюся поездку бежать, – тихо сказала Настя. Она обняла колени, глядя на детей. – И мы не можем подвергать их такой опасности снова. Но и уйти сейчас... – Она не договорила. Уйти значило признать поражение, оставить тайну Алтая и, возможно, навлечь беду на себя позже, когда враги решат, что она им больше не нужна.

– Значит, нужно научиться защищаться, – твёрдо сказал Рома. Он сидел, поджав ноги, и его детское лицо было не по-детски серьёзным. – Я хочу помочь. Я не хочу просто прятаться.

Аня молча кивнула, прижимая к груди свой амулет.

Настя и Максим переглянулись. В их взгляде было согласие и горечь. Им не хотелось втягивать детей в эту войну, но и оставлять их беспомощными было ещё страшнее.

– Хорошо, – сказала Настя. – Но это не игра. Магия – это ответственность. И она требует сил и концентрации. Вы готовы учиться?

– Да! – хором ответили двойняшки.

Пока Максим занимался укреплением убежища – он расчистил подход к гроту, натаскал камней, чтобы создать низкую, незаметную стенку-заслон перед входом, и натянул между сосен несколько почти невидимых лесок с консервными банками (примитивная, но эффективная сигнализация), – Настя проводила первый урок.

Она усадила детей перед собой на мягкий мох.

– Всё начинается с дыхания и внимания, – сказала она. – Магия – это не взмахи руками и крики. Это умение слушать и направлять то, что уже есть вокруг. Закройте глаза.

Они послушались.

– Дышите глубоко. Чувствуете, как воздух входит и выходит? Теперь представьте, что с каждым вдохом вы вбираете в себя тихий свет отовсюду: от солнца за скалой, от зелёной травы, даже от этих камней. А с выдохом... отпускаете всё лишнее: страх, злость, шум в голове.

Она терпеливо вела их через простые медитативные упражнения, объясняя, как ощутить собственный внутренний «огонёк» – источник их личной силы. Рома схватывал быстрее, его природная целеустремлённость помогала сосредоточиться. Ане было сложнее – её отвлекали внешние звуки, но она старалась изо всех сил, и её внутренний свет, когда Настя его наконец ощутила, оказался удивительно тёплым и ровным.

– А теперь самое простое, – сказала Настя, когда они немного освоились. – Защита. Не щит, который остановит удар. А... шапка-невидимка для вашего присутствия. Мысленно представьте, как свет, который вы собрали, обволакивает вас со всех сторон, как мягкий, пушистый кокон. Он делает вас чуть тише для чужих ушей, чуть незаметнее для чужого взгляда. Особенно для того, кто ищет магию.

Дети корчили рожицы от напряжения, но упорно пытались. Через какое-то время Настя, взглянув на них своим внутренним зрением, с удовлетворением отметила: вокруг Ромы и Ани возникли слабые, мерцающие, но уже устойчивые ауры сокрытия. Они были ещё слишком нежными, чтобы обмануть серьёзного мага, но могли сбить со следа или заставить незнакомца невольно отвести взгляд.

Максим, закончив свои работы, присел рядом и наблюдал. В его глазах светилась странная смесь гордости, грусти и решимости. Он видел, как его дети взрослеют не по дням, а по часам, и сердце сжималось от этого. Но он также видел, как крепнет их маленький отряд.

К вечеру убежище превратилось в подобие крепости. Снаружи – незаметные ловушки и каменная прикрытие. Внутри – уютный лагерь, где горел маленький, бездымный костёр

(ещё один простой фокус Насти), пахло чаем и сушёными травами.

Они ужинали вместе, и разговор уже вёлся не о страхе, а о тактике.

– Если они придут, главная цель – дети, – говорил Максим, чертя на земле схему подхода к гроту. – Мы с тобой, Насть, должны прикрыть отход. Ты – магией, я – тем, что умею. Рома, Аня – ваша задача в случае тревоги уйти в самую глубь грота и держать свои «коконы» изо всех сил. Не геройствовать. Понятно?

– Понятно, – кивнул Рома, и в его глазах горел не страх, а ответственность.

– Мы спрячемся, – тихо подтвердила Аня.

Их единство в тот вечер было осязаемым. Они сидели плечом к плечу, делясь едой и планами, и каждый чувствовал связь с остальными – не как с родственниками, а как с боевыми товарищами, доверяющими друг другу жизнь.

Но когда дети, уставшие от учёбы и переживаний, заснули, прижавшись друг к другу, взрослые остались у входа. Настя прислонилась к плечу Максима.

– Я боюсь за них, Макс, – прошептала она, глядя в темноту леса. – Я научила их прятаться, но... а если этого будет мало?

– Этого будет достаточно, потому что мы будем рядом, –

твёрдо сказал он, обнимая её. – И потому что они сильные. Наши. Они уже сегодня сделали то, что многие взрослые не могут.

– Ты прав, – вздохнула Настя. – Но враги... они не остановятся. Они почувствовали мою силу. И детскую. Для чёрных магов чистая, неиспорченная энергия... это лакомый кусок.

Они знали, что готовятся к худшему. Что следующий визит тёмных охотников будет не разведкой, а полноценной атакой. Тень этого знания висела над их убежищем, проникала даже в уютный круг света от костра.

Но в этой тени не было безысходности. Была суровая решимость. Они были вместе. Они учились, укреплялись, готовились. Их семья стала не просто группой выживания, а маленьким, сплочённым кланом, у которого было что защищать – друг друга, свою любовь и право на это путешествие. И они дали бы бой любой тьме, которая посмеет подойти к порогу их каменного дома. Страх за детей не покидал их, но он больше не парализовал. Он закалял.

Глава 10: Духи Алтая

На рассвете Настя разбудила всех. Небо над горами было цвета перламутра и влажного пепла, а воздух казался особенно прозрачным и звонким.

– Сегодня день, когда границы тонки, – тихо сказала она, собирая в небольшой мешочек горсть земли от входа в грот, веточку можжевельника и три круглых камешка с ручья. – Духи земли и неба лучше слышат того, кто обращается с уважением и в подходящий час. Мне нужно попросить у них совета.

Максим, обычно встречавший подобные заявления лёгким скепсисом, на этот раз лишь кивнул. После пещеры и схватки его прагматичный мир дал трещину, в которую просочилось понимание: существуют правила, которые он не в силах объяснить, но которые работают. Он помог детям собраться, проверил, чтобы их амулеты из дерева были при них.

Место для обряда Настя выбрала вчера – небольшую поляну на склоне выше их убежища, где рос одинокий, корявый кедр, а из-под его корней бил крошечный, но не замерзающий даже ночью родник. Место живое, пульсирующее тихой силой.

Она расчистила небольшой круг, посыпала его землёй из грота, положила в центр камешки и веточку. Дети сели по правую руку от неё, Максим встал чуть поодаль, на страже, но так, чтобы видеть всё.

– Закройте глаза, – попросила Настя. – И просто дышите. Не ждите чуда. Просто будьте здесь, со мной.

Она сама встала в центр круга, опустила ладони к земле и начала. Не громко, почти шёпотом, нараспев. Она не обращалась к конкретным именам – кто знал истинные имена духов этих мест? Она говорила с самой сутью Алтая.

«Духи гор, что крепче камня. Духи ветров, что знают все тропы. Духи вод, что помнят начало рек. Духи леса, в чьей тени мы ищем покой. Услышьте меня, путницу, мать, ведунью. Мы пришли не с войной и не с жаждой взять. Мы пришли, чтобы увидеть вашу красоту и научить своих детей уважению. Но на вашу землю пришла чужая тьма. Она охотится за тем, что принадлежит вам. И она охотится теперь за нами.»

Она делала паузы, вдыхая холодный утренний воздух, и с каждым её словом тишина вокруг становилась иной – не пустой, а наполненной. Казалось, сама природа затаила дыхание и слушает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.